

Вроде я держал его крепко. Но мальчишка выскользнул из моих рук, как сырая картофелина. Скатился с крыльца, взмахнул ручонками и взлетел.

Я не шучу. Правда, летает он пока неважнецки, чуть лучше курицы. Но мне за ним уже не угнаться – одышка и всё такое.

После сорока я перевёл свою жизнь в режим энергосбережения. Вместо спорта – лёгкая гимнастика. Выпиваю тоже умеренно. В общем, вдруг начал себя беречь. Для чего именно – не понятно.

У мальчика другой режим – энергозатратный. Поэтому у нас разные скорости. Когда он делает рывки и ускорения, я не успеваю переключаться. А тут ещё эти проклятые машины – ездят по двору как хотят...

– Ух, пострелёнок! – произносит неизвестная мне особа в длинной чёрной куртке с капучинским островерхим капюшоном, только что подкатившая к подъезду на такси. – Иваненковы здесь живут?

Я пожимаю плечами: мол, неместный.

– Шустрый мальчик, – дамочка, видимо, хочет завязать разговор в духе родительской солидарности. – Сколько ему? Трёшник? В точку попала. Ему действительно три, без одной недели.

– Я почему знаю? – благодушно молвит женщина-капуцинка. – У меня такой же. В этом возрасте они все одинаковые...

Вот уж неправда! Таких мальчиков больше нет на свете, да и не было никогда. Он – единственный. Ну вы даёте, женщина! Как можно сравнивать? Вы просто не разглядели его внимательно.

Честно говоря, за три года я и сам ещё толком не рассмотрел этого человечка – он всё время вертится, выпадает из кадра. Эдакий трансформер. Руки, ноги, голова и даже попа крутятся в разных осях, причем беспрерывно. Дабы увидеть его целиком, нужна замедленная съёмка.

В принципе он бывает усидчив. Но только в движении. Когда – на качелях. В состоянии динамического равновесия. Туда-сюда-обратно... Сидя на качельной доске, «трёшник» властно покрикивает:

- Выше качай!
- Куда уж выше?
- До Луны.

До Луны – не столько высоко, сколько долго. Это я пытаюсь ему объяснить:

- Луны-то ещё нет, рано ей.
- Ну, подождём. Качай до Луны.
- Это ещё часа три, не меньше!
- Много?
- Для меня, – говорю, – много.
- Почему?
- Потому что я качаю. А ты сидишь.
- А если б я качал? – любопытствует мальчуган.

Хорошо, что его мать нас не слышит. Она не одобряет этих «абстрактных разговоров». Реакция примерно такая: «Ты бы ему еще про теорию относительности рассказал!» Имеется в виду, что неокрепшие умы надо беречь от всего непонятого. Счастливое детство – это когда всё просто, конкретно. «Солнечный круг, небо вокруг – это рисунок мальчишки». То есть ясная картина мироздания. И никаких, даже случайных намёков на то, что мир, в сущности, иллюзорен и зыбок. «Не лезь к нему со своими туманами-тараканами! А то вырастет из него, блин, какой-нибудь Гамлет! Нам оно надо? – говорит эта поразительная женщина. – Ты называешь его принцем? Допустим. Я согласна. Но пусть он растёт нормальным принцем – здоровым, без комплексов».

Пару раз, тайком от его мамы, я уже показывал мальчику карту Луны – листок, вырванный из детской энциклопедии. Ту самую карту, которая так завораживала меня в молодые годы. Правда, я был тогда всё же постарше, чем он сейчас, поэтому мог замечать некоторые странности. Ведь на Луне всё противоречиво! Есть там океан Бурь и в то же время – море Спокойствия. Или, например, море Дождей. Хотя дождей там никогда не бывает. Обычных дождей. Зато звёздные – шпарят каждый день, успевай увёртываться, тут и зонтик не поможет... А ещё есть там целое море Кризисов, что вообще удивительно. Откуда на Луне кризисы? Лунные люди, как известно, очень добрые, миролюбивые существа. И спорят они только по одному поводу...

«Стоп! Вот с этого места подробнее! – услышав такое, закричала бы мальчикова мама. – Слышь ты, тень отца Гамлета, прекращай эти разговорчики, не задуряй ребёнку голову! Какие еще, на фиг, лунатики?»

«Тень отца» – это про меня. Вроде бы я есть. А вроде и нет. Только – по воскресеньям, но это не считается.

Нет, про Луну мы ей ничего не скажем...

...Лунные люди (слово «лунатики» тут вообще не уместно) спорят только по одному поводу: кто дальше или выше прыгнет. Они невероятно прыгучие. Двенадцать метров в высоту для них – раз плюнуть.

От мальчика я тоже узнал много нового. Например, о том, что на Луне, оказывается, есть лунные игрушечные магазины, причём совершенно бесплатные.

В общем, заманчивое это место – Луна.

– Ну, летим? – часто переспрашивает он, хотя вопрос этот давно решён.

Когда и на чём – не важно. Детали мы обговорим позднее.

Пресытившись динамическим равновесием, Принц соскакивает на ходу с качели и, будто им выстрелили из ракетницы, летит в дальний конец двора. Естественно, прямо в грязь – торопись хватать его и вытаскивать.

Он насмешив, полон весёлой иронии. Его снисходительная улыбка означает: «Не валяй дурака, старик, я лучше знаю, куда идти». А на моё занудство, на мои окрики «Не лезь в лужу, не трогай собаку!» Принц отзывается вольтерьянским смешком: «Буду лезть и трогать кого хочу!»

Этот мальчик улыбается как свободный человек. Я давно уже так не умею...

– Но ты намочишь ноги! – говорю я скрипучим голосом старой бонны.

– И что? – веселится он.

– Замёрзнешь, простудишься, будешь кашлять... – звучат жалкие слова, которым я научился за много лет.

– Кха-кха-ха! – следует пародийный кашель. – Теперь – ты!

В смысле – давай сравним, кто лучше кашляет.

– Ведь мама будет ругаться!

Это пугает меня, но не его.

– Мама? – мальчик на секунду задумался. – А ты?

– Я тоже.

– Ну, поругайся? – не верит, что я умею.

– Знаешь, ты кто? Ты хулиган!

В ответ – грубый, развязный смех и демонстративный шаг в лужу, с притоптыванием, брызгами. Именно так, по его мнению, и ведут себя настоящие хулиганы.

«Лужи на то и лужи. Весь кайф, чтобы в них наступать, – читается в его наглых глазах. – Ну мама-то – ладно, она, в сущности, девчонка. Но ты-то, старик, меня понимаешь?»

Нарочито первомайская девочка, лет тринадцати, появляется во дворе со связкой разноцветных шаров. В кисейном, легком, не по сезону, прикиде, среди грязи и луж, она выглядит особенно живописно. Вся в немыслимых бантиках-шмантиках, будто родители вознамерились подарить её кому-то на праздник.

– Шарик хочу! – плотоядно улыбается Принц. Конечно, он просто так сказал – шарик. А на самом деле хочет все шарики. Причём – сразу.

– Зачем? – спрашиваю. Глупее этого вопроса, который взрослые чаще всего задают детям, и не придумает.

– Лопнуть, – объясняет он простодушно.

– Но ведь это чужие шарики...

– Возьми! – говорит (И тогда будут не чужие, а наши).

Ага, возьми. С первого взгляда понятно – с девочкой-праздником лучше не связываться. Под её дурацким, фиалкового цвета, кепи – широкое бабье лицо. Глаза навывкате, упрямые каменные губы. Таковую хоть пытай – ничего не отдаст. Не из героизма, впрочем. И даже не из жадности. Из принципа. Вредная девчонка. Впрочем, как и все они. А вот полезных девчонок я, например, не встречал...

– Попросим? Купим? – подсказывает мой Принц, а сам уже сделал стойку, нацелился на добычу.

Все, аргументы исчерпаны. Если уж и продать шарики она откажется, придётся брать силой.

Пока мы громко препираемся, юная шароносица благоразумно исчезает в подъезде. Мальчик недоумённо крутит головой (только что вон там стояла!) и вдруг замечает новый объект вожделения – беспечно оставленный кем-то велосипед. Настоящий чужой велосипед!

На сей раз, наученный свежим опытом, пацан ни о чём у меня не спрашивает, а молча, вытянув вперед хищные лапки, со всех ног бежит к своему трофею...

Ему, как истинному Принцу и будущему Королю-Солнцу, не пристало заморачиваться вопросами частной собственности.

– Хочешь, я подарю тебе десять велосипедов? А сто велосипедов – хочешь?

Но сто – это уже не интересно. Выясняется, что ему нужен всего один. И не велосипед, а кролик.

– Кролика подари. Зелёного.

– Почему зелёного?

– Он же траву ест!

– Настоящего, что ли?

– Ну! Чтоб бегал тут.

Гм... Я пытаюсь вспомнить, что мне известно о кроликах. Маленькие такие, несчастные. Но вкусные. Кроличье мясо питательно, хорошо усваивается. А вот мех у кролика, я слышал, не очень. Шапки из него, говорят, неноские...

– Нет тут, – ворчу, – никакой травы. Он у тебя с голоду помрёт.

Я не вру. В этом дворе-урбаноиде, кроме псевдосказочного грибка-мухомора, к тому же деревянного, ничего не растёт. Полдвора заставлено наворотистыми, одна другой круче, иномарками – железная ярмарка тщеславия. Толстобокие жлобские джипы, задавившие колёсами всё биологическое, всё потенциально живое, остывают лишь к вечеру – столько в них неестественного, чуждого природе механического тепла. Авто заполонили здешнее жизненное пространство, оставив для детской площадки только узкую полосу вдоль ампиристо-хищного металлического забора. Возле огромных мусорных баков тусуются единственные представители дворовой фауны – сытые, жирные голуби мира. А северная часть двора – просто грязная целина, банальная свалка. Лужи там особенно глубокие, чёрные и густые, как ликёр. Летом здесь ещё ничего, а весной... О, как я ненавижу тебя – предательская, неряшливая, шелудивая, отвратительная весна! И этот чужой двор тоже. Нет, доброму зелёному кролику здесь не место. Он тут сразу зачахнет и до шапки не вырастет – даже самой плохой, неноской...

За этим забором, с острыми пиками, как бы взятыми из «средневекового» советского фильма «Город мастеров», есть, конечно, и какая-то другая, более светлая и разнообразная жизнь. Но нас с мальчиком туда не пускают. Его дальнзоркая мамаша периодически появляется на балконе, как часовой на вышке, и с восьмого этажа сканирует обстановку. Это похоже на прогулку в тюремном дворе, под цепким взглядом конвоира. Шаг за ворота приравнивается к побегу.

Впрочем, у Принца, вероятно, другое мнение. Он осматривает свои владения весёлым хозяйским взглядом. Слово

«нельзя» вызывает у него снисходительный смешок. И даже не смешок – смешонок. Что значит – нельзя? Это его двор, королевский. Увеселительный сад-парадиз, с головокружительной, вихляющейся на ходу, каруселью, со сногшибательной, ниспадающей прямо в чёрную жижу, крутой горкой, трехъярусными солдатскими турниками и вечно мокрой песочницей, похожей на крошечный зимний пляж.

Он, видать, твёрдо уверен, что этот огромный, но жалкий, с богаческо-безвкусными претензиями двор и есть некая идеальная мальчикоцентрическая модель мира. И весь божий мир крутится для него и вокруг него. И создан специально, нарочно для потехи одного маленького человечка.

Но если честно, я тоже так думаю. Особенно – в конце нашей обычной воскресной прогулки, за несколько минут до прощания. И так хочется ему угодить, наобещать всего, что совершенно не в моих силах...

...Вы шмыгаете носиком, капризничаете, сопите от жадности. Что Вам угодно, наследный Принц, мое королевское солнце? Фруктовой жвачки, тусклого вест-индского золота, трофейных велосипедов, шалостей в игрушечных балаганчиках Тюильри, зелёных кроликов, а может, тысячи выпущенных в небо и одновременно лопнувших там шаров? Кто смеет Вам отказать, сир?

И это не раболепие, сир. А просто вот такая любовь. Любовь – и ничего больше. Вернее – ничего меньше.

Капли плюхаются на асфальт, предательский дождь крадёт у меня последние минуты свидания – надо возвращаться, не дожидаясь окрика «часового». Но теперь загнать мальчика домой – совсем уж нелёгкая задача, ведь лужи во время дождя особенно прекрасны и наступать в эту холодно кипящую жижу – одно удовольствие. А я плетусь сзади, как пастух, или того хуже – куропас, с растопыренными руками, покрикивая:

– Быстрее!.. Дождь!.. Холодно!..

– А чего холодно? – удивляется малыш. – Лето уже кончилось?

Он различает пока только два времени года – зиму и лето. Границы весны для него размыты, непонятны. Как, впрочем, и для меня...

В лифте мы едем долго, с остановками, высаживая по пути мальчиковых соседей – совершенно мокрую, явно напуганную дождём старушеницу и баскетбольного сложения девицу с ры-

жей такой. Таксу баскетболистка, боясь запачкаться, держит на весу, двумя руками, как гимнастическую скамейку...

И вот нам навстречу открывается чёрная железная дверь, выпускающая в коридор жирное чесночно-котлетное облачко. Краснощёкая, разгорячённая кухней женщина в клеёнчатом трактирном фартуке, делает два шага назад, дабы получше разглядеть чадо, вернувшееся с прогулки.

Женщину зовут Диана. Она невероятно красива и была несчастлива в браке (причем – со мной). Но на этом её сходство с известной принцессой в общем-то и заканчивается. Как она могла родить настоящего Принца – уму непостижимо.

Ко мне Диана относится просто: «Нет от тебя никакого толка! Только жалкие алименты».

Алименты похожи на репарации, которые поверженный, в пух разбитый враг выплачивает стране-победительнице.

Мы воевали с Дианой дольше, чем длилась Вторая мировая. И развод стал капитуляцией, узаконив её безоговорочную, с аннексиями и контрибуциями, победу. А главным её военным трофеем стал этот удивительный мальчик, который сейчас топчется в прихожей и вместе с грязными сапожками пытается стащить с себя широкие сарацинские шаровары. Рукава его куртки заляпаны сюрреалистическими бурыми пятнами, а на спине – длинные, как у молодого вепря, чёрные полосы.

Я, говорит Диана, на полтора часа. Всего на полтора! Доверила тебе. Доверила самое дорогое. Самое дорогое, слышишь? Я отдала тебе сына – в хорошем состоянии. А ты? Во что ты его превратил? Какой-то бобик помоечный, не отстираешь. Жуткий кабан из дикого леса, горнорабочий очистного забоя, трубочист, ассенизатор, бомжонок... Ничего тебе доверить нельзя! И как я раньше с тобой жила? Нет, ну в принципе жить-то с тобой можно. Но – недолго. Ты же кого угодно загонишь в гроб. Ведь кому сказать – не поверят, что...

Диана произносит всё это монотонно, не повышая голоса. Жужжит, как кофемолка. И ей, видимо, жаль, что я так быстро ухожу, не дослушав, успев лишь наскоро ткнуться в мальчика своими жёсткими, горькими от никотина губами.. .

Как там у Хемингуэя? «Я закурил и вышел на улицу под дождь». Вот и я так выхожу – с некоторой красивой (в подтексте) суровой мужской печалью.

Правда, дождь уж почти кончился – весенний, короткий, обычный. На Луне таких не бывает.